

тарского языка, польского языка, по изучению сравнительной грамматики славянских языков и т. д.

В статье Н. С. Родзевич «Развитие романо-германского языкознания на Украине в советский период» дается общий обзор учебной литературы (по немецкому, английскому и французскому языкам), вышедшей на Украине в 20—30-е годы.

В статье А. С. Мельничук «Развитие общего и индоевропейского языкознания на Украине за 40 лет» характеризуются работы по вопросам общеметодологического характера.

В сборник включены собранные М. М. Пещак сведения о статьях био-библиографического характера (personalia), опубликованных в украинских изданиях. Статьи об ученых-языковедах (преимущественно — русских и украинских) даются в порядке алфавитного размещения фамилий языковедов, которым они посвящены. К сборнику приложен систематический указатель статей, опубликованных в издаваемых Институтом языкознания АН УССР сборниках «Мовознавство» (1934—1957).

Г. М. Макеева

J. Benzing. D'e tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik.— Wiesbaden, Akademie-Verlag, 1956. 151 стр.¹ (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1955, № 11).

За последние годы И. Бенцинг опубликовал ряд работ, посвященных исследованию тунгусо-маньчжурских языков². Взгляды его на алтайскую проблему, а также на некоторые черты тунгусских языков сформулированы в докладе «Заметки о тунгусских языках и их отношениях к другим языкам, называемым алтайскими»; дальнейшее свое развитие эти взгляды нашли в рецензируемой нами работе; см. особенно специальный первый раздел ее «Общие сведения о тунгусских языках» [стр. 955(7)—964(16)].

Объединение различных неиндоевропейских языков в семью «урало-алтайских» И. Бенцинг считает весьма проблематичным. Точно так же не доказанным, с его точки зрения, является родство тюркских, монгольских и тунгусских языков, причисляемых к алтайским, хотя многие совпадения в этих языках позволяют признать такое родство не исключенным. Автор считает, что для разрешения проблемы генетического родства алтайских языков и принадлежности к ним тунгусских необходимы в первую очередь серьезные исследования сравнительного характера внутри каждой из указанных языковых групп. Общность же между собой тунгусских языков И. Бенцинг считает безусловной несмотря на то, что грамматическая структура маньчжурского языка, по его мнению, была значительно разрушена под влиянием китайского.

Книга «Тунгусские языки» представляет собой первую сравнительную грамматику тунгусо-маньчжурских языков, в которой изложены все основные сведения о их фонетике, морфологии и синтаксисе. Это выгодно отличает рецензируемую работу от всех предшествующих сравнительных исследований в области тунгусо-маньчжурских языков, где, как известно, рассматриваются лишь отдельные языковые явления. Важно отметить в то же время, что И. Бенцинг не ограничивается простым описанием фактов, а выявляет закономерности их развития и восстанавливает предполагаемые звуки и формы общетунгусского языка-основы.

Материалом для исследования, как указывает сам автор, послужили в первую очередь изданные в Советском Союзе книги на гольдском (нанайском), удэйском, эвенкийском и ламутском (эвенском) языках и доступные ему научные работы советских авторов. Кроме того, по маньчжурскому языку он привлекает материалы И. Захарова³, по чжурчженскому — В. Грубе⁴, по языкам же негидальскому, солонскому, орок-

¹ Книга имеет двойную пагинацию.

² См. краткое изложение сообщения И. Бенцинга (J. Benzing, Remarques sur les langues tongouses et leurs relations avec les autres langues dites altaïques) в отчете о заседании Парижского лингвистического общества от 16 февраля 1952 г., помещенном в «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLVIII, fasc. 1, 1952, стр. XVII—XVIII; в полном виде этот же доклад был опубликован в «Ural-altaïsche Jahrbücher», Bd. XXV, Hf. 1—2, 1953. См. также J. Benzing, Lamutische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar, Wiesbaden, 1955.

³ И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875; его же Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879.

⁴ W. Grube, Goldisch-deutsches Wörterverzeichnis, в кн. L. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-lande, Bd. III—Anhang, St.-Petersburg, 1900; W. Grube, Die Sprache und Schrift der Jučen, Leipzig, 1896.

скому и орочскому — материалы, содержащиеся в работе В. И. Цинциус¹. Тем не менее автор не принял во внимание (или ему неизвестен) еще ряд работ по исследуемым языкам², многие из которых могли бы внести ясность в некоторые недоуменные для него вопросы.

В разделе II «Фонетика» [стр. 965(17)—1000(52)] автор отмечает в тунгусских языках гласные краткие, долгие, дифтонги, гармонию гласных, губную аттракцию в рамках гармонии, отпадение кратких гласных *i/i* в конечной позиции после простого согласного звука в северотунгусских языках, утрату конечного звука *n* в южнотунгусских языках, наличие в тунгусском языке-основе всех гласных двух рядов, звуки *x*, *s*, *p* в отдельных тунгусских языках, возможные сочетания согласных в слове, небольшое количество слов с начальными звуками *w*, *j*, отсутствие *r* в начальной позиции, употребление в конце слова лишь некоторых согласных, а также другие черты.

Основной недостаток этого раздела состоит в том, что, характеризуя фонетические закономерности тунгусо-маньчжурских языков, автор опирается на данные только письменных языков, тогда как известно, что орфографическое написание не может отразить полностью всех фонетических особенностей языка. Так, например, И. Бенцинг указывает, что гласные *i/i* «фонетически во многих тунгусских языках совпадают, но фонологически всегда отличаются» (стр. 21, § 27). К такому заключению он пришел, исходя из написания, которое не отражает в ряде языков различий между звуками *i* и *i*.

Рассматривая соответствие звуков \bar{u}/\bar{u} северотунгусских языков дифтонгу $\bar{u}\bar{u}$ и сочетанию $\bar{u}\bar{u}\bar{a}$ в южнотунгусских языках (стр. 26, § 34), И. Бенцинг высказывает предположение, что как звук \bar{u}, \bar{u} , так и звуко сочетание $uwa/\bar{u}\bar{u}\bar{a}$ развились из дифтонга * $ua/\bar{u}\bar{u}$ и что, следовательно, среди форм, например, местоимения «вы» — эвенкийск. *sü*, гольдск. *süð(süä)* и маньчж. *süwe* — наиболее древней следует считать форму *sud(süä)*; ср. также переход $wa > ua$ в глаголе *wa* «убить». Ход рассуждений автора в данном случае нам представляется недостаточно убедительным. Многочисленные примеры на выпадение щелевых согласных между гласными, которое прослеживается при сравнительном исследовании всех тунгусо-маньчжурских языков, свидетельствует, как нам кажется, о другом, более вероятном пути развития, а именно: $uwa > \bar{u}; \bar{u}\bar{u}\bar{a} > \bar{u}\bar{u} > \bar{u}$. В таком случае дифтонг в южнотунгусских языках оказывается не исходным, а вторичным³.

В отношении ударения в тунгусо-маньчжурских языках И. Бенцинг совершенно справедливо отмечает отсутствие сведений в общих грамматиках по этим языкам и разноречивость кратких высказываний, имеющих в некоторых других работах.

Некоторые наблюдения над эвенкийским языком дают нам основание думать, что силовое ударение в словах эвенкийского языка далеко не всегда падает на первый слог, что место ударения в разных словах обусловлено наличием долгих и недолгих гласных, а также слоговой структурой слова. Поэтому в различных словах ударение падает на различные слоги.

Раздел III «Морфология» [стр. 1001(53)—1095(147)] состоит из краткой характеристики структуры слова в тунгусо-маньчжурских языках, некоторых замечаний об основных способах словообразования, а также сравнительного описания частей речи. Вызывает интерес точка зрения автора, высказанная им относительно общетунгусской формы на *-*ni* = маньчж. *-ngge*, гольдск. *-ngo/-ngu*, ольч. *-ngu*, удэйск. *-ni*, негид. *-ni(i)*, эвенкийск. *-ni(i)*, ламутск. *-ni(a)* (стр. 61, § 73). Форма эта, по мнению И. Бенцинга, имеет выделительное значение, так как употребляется в случаях указания на предмет из числа ему подобных. Это объяснение интересно как попытка иного толкования указанной формы по сравнению с теми точками зрения, которые высказаны в отношении ее в литературе по тунгусо-маньчжурским языкам. Однако такое объяснение, по-видимому, не исчерпывает полностью всех функций этой формы, так как ей свойственно выражение различных отношений между предметами и главным образом все же отношений по принадлежности, которые при условии добавления суффиксов *-ni* в эвенкий-

¹ В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949.

² А. В. Аврорин, Очерки по синтаксису нанайского языка. 1. Прямое дополнение, Л., 1948; А. Ф. Бойцова, Категории лица в эвенкийском языке, Л.—М., 1940; Г. М. Василевич, Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1948; В. А. Горцевская, Формы отрицания в эвенкийском языке, Л., 1941; О. А. Константинова и Е. П. Лебедева, Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ, М.—Л., 1953; Е. П. Лебедева, Наречия места в эвенкийском языке, М.—Л., 1936 («Известия [Научно-исследоват. ассоциации Ин-та народов Севера им. П. Г. Смидовича], вып. 10); В. И. Цинциус, Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1 — Фонетика и морфология, Л., 1947, и мн. др.

³ См. об этом В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, стр. 110—111.

ском и негидальском и *-qa* в ламутском выражают значение принадлежности условной или относительной.

Следует также отметить, что, рассматривая указанную форму в разделе отменных глаголов, автор причисляет ее, таким образом, к разряду словообразовательных. По нашему же мнению, она должна быть отнесена к формообразующим, так как выражает грамматическое значение.

В разделе склонения имен автор отмечает, что суффикс творительного падежа не отсутствует в маньчжурском языке, а лишь совпадает по звуковой форме с родительным: **-ǰi* > маньчж. *-i*, т. е. что две различные в прошлом формы в результате своего развития дали в маньчжурском два омонимичных показателя: суффикс инструментального *-i* > *-ǰi* и суффикс генитива *-i* < **-ni*. Подобное утверждение, однако, нуждается в дополнительном обосновании.

Не ясна позиция автора в отношении генитива. Возражая против утверждения В. И. Цинциус о том, что генитив свойствен лишь одному маньчжурскому, и представляя генитив в общей таблице суффиксов падежей всех тунгусо-маньчжурских языков (стр. 79, § 88), а затем говоря также о генитиве в связи со случаями двойной флексии (стр. 89, § 102), Бенцинг в то же время приводит все указанные им суффиксы генитива в разделе словообразования имен прилагательных как суффиксы, которые образуют от существительных имена прилагательные притяжательные (стр. 90—91, § 105). Из всего сказанного И. Бенцингом относительно генитива следует сделать вывод, что он объединяет две формы, различающиеся в современных тунгусо-маньчжурских языках. Одна из этих форм имеет показателем маньчж. *-i* ~ *-ni*, солонск. *-ni* и является генитивом, который в остальных тунгусо-маньчжурских языках отсутствует¹. Показатели другой формы маньчж. *-ŋə*, ольч. *-ŋgi*, удэйск. *-ni*, негид. *-ni* ~ *-ni*, эвенкийск. *-ni*, ламутск. *-ni* и т.п. — в ряде работ рассматриваются как суффиксы, образующие притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные², в некоторых же других работах эта форма характеризуется как особая предикативно-притяжательная форма имен существительных и местоимений³.

При описании глагола автор придает важнейшее значение форме на *-ra*, *-sa*, *-da*, которую он называет аористом и которая, по его мнению, послужила основой для образования целого ряда тунгусских глагольных форм (настоящего, прошедшего и будущего времен, условных и некоторых других форм).

В соответствии со способом образования форм аориста автор устанавливает три класса глагольных основ: *-ra*, *-sa*, *-da* и связанные с ними номинативные формы *-ri*, *-si*, *-di*. В «Заметках о тунгусских языках и их отношениях к другим языкам, называемым алтайскими» И. Бенцинг сопоставляет эти формы аориста с соответствующими тюркскими формами на *-r*, *-s*, *-d*. В результате анализа форм аориста И. Бенцинг делает вполне обоснованный вывод о том, «что в аористе тунгусских языков перекрещиваются две первоначально различные глагольные парадигмы: а) формы на **-n* (во мн. числе **-r*?) + энклитические местоимения, б) формы на **-ra* (**-sa*), **-da* + энклитические местоимения» (стр. 132, § 137). Однако точка зрения И. Бенцинга относительно трех вышеуказанных форм аориста представляется нам приемлемой лишь в плане исследования прошлого состояния языка, в современных же тунгусских языках грамматическое значение этих форм не дает оснований ни для обобщающей характеристики их как форм аориста, ни для подразделения глагольных основ на три класса.

При рассмотрении форм будущего времени автор выделяет из суффикса будущего времени *-ǰaŋə* элемент *-qa*. В разных частях работы И. Бенцинг дает разноречивое определение этого элемента и без достаточных пояснений причисляет его то к показателям вида, то к показателям причастия.

Одну из форм будущего времени в эвенкийском языке — будущего непосредственного на *-ǰal* автор характеризует как аорист начинательного вида, например *duku. ǰa.l.lan* «он сейчас (непосредственно) напишет» (стр. 134, § 139). Здесь следует иметь в виду, что элементы, составляющие показатель этой формы (*ǰa* + *l*), по-видимому, уже утратили (или утрачивают) свое первоначальное значение, так как они занимают необычные по отношению друг к другу места в слове: показатель начинательного вида *-l* помещается за показателем несовершенного вида *-ǰa*, тогда как в других случаях, когда *-l* выступает как живой видовой показатель, он всегда предшествует суффиксу *-ǰa(-l+ -ǰa)*. Отсюда следует, что суффикс *-ǰal* в современном эвенкийском языке должен рассматриваться как особый формат будущего времени.

В разделе IV «Замечания по синтаксису» [стр. 1096(148)—1099 (151)] И. Бенцинг очень кратко излагает свои наблюдения по основным вопросам этого наименее разра-

¹ См. В. И. Ц и н ц и у с, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, стр. 256, 271.

² См. А. Ф. Б о й ц о в а, указ. соч., стр. 72—137; О. А. К о н с т а н т и н о в а и Е. П. Л е б е д е в а, указ. соч., стр. 101 и 116—120.

³ В. А. А в р о р и ц, Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках, ВЯ, 1956, № 3.

ботанного раздела в грамматиках тунгусо-маньчжурских языков. В рецензируемой работе, как и в «Заметках о тунгусских языках и их отношениях к другим языкам, называемым алтайскими» согласование определения с определяемым в числе и падеже в тунгусских языках автор связывает с явлением двойной падежной флексии и на основании этого высказывает мнение, что согласование является структурной необходимостью этой группы языков. Последнее представляется нам достаточно справедливым, так как согласование определения с определяемым действительно характерно для ряда говоров эвенкийского, а также эвенского языков.

*

Труд И. Бенцинга вносит значительный вклад в науку о языке. С выходом в свет этой сравнительно-исторической работы тунгусо-маньчжуроведение получило новые данные об исходных фонемах и формах тунгусского языка-основы и их развитии. Несмотря на то, что сами грамматические факты, которых касается И. Бенцинг, в той или иной мере уже известны из опубликованных ранее работ, интерес к рецензируемой книге не снижается, так как многие из этих фактов получают здесь новое освещение. В некоторых случаях выводы, к которым приходит автор, как это отмечалось нами выше, следует признать спорными, но ценность работы в целом от этого не становится меньше. Ряд недостатков (отсутствие четкого разграничения фактов современного языка и фактов, относящихся к его истории; схематичность изложения; недостаточная обоснованность ряда выводов; допущенные неточности) в большей мере объясняются, по-видимому, тем, что автор пользуется сравнительно ограниченным языковым материалом, к тому же только письменных языков и лишен возможности использовать тот богатый материал (в частности, в фонетической транскрипции), которым располагают советские специалисты. К сожалению, этот материал, а также исследования по тунгусо-маньчжурским языкам публикуются у нас еще очень мало.

Книга И. Бенцинга должна вызвать у советских тунгусоведов и алтаистов большой интерес и побудить их к дальнейшим исследованиям как в специальной области тунгусо-маньчжуроведения, так и в более общих вопросах алтаистики.

В. А. Горцесская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова

A. Carnoy. Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen (Bibliothèque du Muséon, vol. 39). — Louvain, 1955. 224 стр. (Publications universitaires, Institut orientaliste).

Сам факт появления «Протоиндоевропейского этимологического словаря» свидетельствует о весьма интенсивном развитии этой новой отрасли индоевропейского языковедения. Под термином «протоиндоевропейский» имеются в виду языки народов, появившихся в Европе и Малой Азии до италийцев, кельтов и греков и оставивших в виде заимствований множество слов, которые невозможно вести к индоевропейскому при помощи фонетических закономерностей, существующих в италийском, кельтском, греческом или каком-либо другом индоевропейском языке.

Вслед за П. Кречмером, К. Паули и А. Фикком, которые положили начало изучению «догреческих» языков, большинство ученых считали все этимологически темные слова и формообразовательные элементы в италийском, кельтском и греческом языках остатками неиндоевропейских языков¹. В результате работ В. Георгиева, который первый последовательно доказал индоевропейский характер догреческих элементов и дал таблицу фонетических соответствий «догреческого» языка с индоевропейским, теория об индоевропейском характере «догреческого» языка приобрела все больше приверженцев².

Достижения В. Георгиева были вскоре приняты и развиты А. И. Ван-Виндекенсом, В. Мерлингенем, О. Хаасом, А. Карнуа и некоторыми другими³. В связи с признанием индоевропейского характера «догреческого» языка некоторые ученые склонны рассматривать теперь этрусский язык тоже как индоевропейский⁴.

¹ Подробный обзор теорий о неиндоевропейском характере догреческих элементов см.: V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, I, 1, Sofia, 1941, стр. 13—59; е го же, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 57.

² О значении работ В. Георгиева в практическом и общетеоретическом плане см.: W. Merlingen [рец. на кн.:] A. J. van Windkens, *Le pélasgique, «Indogerm. Forsch.»*, Bd. 61, 1954, стр. 297; см. также: W. Merlingen, *Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, Wien, 1955.

³ См. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 59.

⁴ См. там же, стр. 50 и сл.; см. также: A. Carnoy, *Dialectologie proto-indo-européenne, «Orbis»*, t. I, № 2, 1952, стр. 423 и сл.; е го же, *La langue étrusque et ses origines, «Antiquité classique»*, t. XXI, fasc. 2, 1952, стр. 289 и сл.